

An impressionistic painting of a harbor at night. The sky is a deep, textured blue, filled with numerous bright, star-like lights of varying sizes and colors, including yellow, white, and orange. The water is dark and reflects these lights in shimmering, vertical streaks of yellow and orange. Several boats are visible in the harbor, with their masts and rigging silhouetted against the dark water. The overall style is expressive and vibrant, reminiscent of the Impressionist movement.

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Сборник новелл

ЕЛЕНА ФЁДОРОВА

Елена Фёдорова

Утренняя звезда. Сборник новелл

«Издательские решения»

Фёдорова Е.

Утренняя звезда. Сборник новелл / Е. Фёдорова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838472-1

В чем заключается смысл жизни? Почему нам суждены страдания и мучения? Какова формула счастья? На эти и многие другие вопросы предстоит ответить нашим героям, находящимся на грани жизни и смерти.

ISBN 978-5-44-838472-1

© Фёдорова Е.
© Издательские решения

Содержание

Утренняя звезда	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Утренняя звезда Сборник новелл

Елена Фёдорова

© Елена Фёдорова, 2017

ISBN 978-5-4483-8472-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Елена Ивановна Фёдорова – поэт, писатель, член Союза писателей России, член Интернационального союза писателей, драматургов, журналистов, член Международной гильдии писателей, Почетный работник Культуры города Лобня, автор около 200 песен для детей и взрослых, автор 33 книг на русском (9 из них детские) и трёх на английском языке. Жанр произведений разнообразен: фэнтези, городской роман, романтика и приключения, мистика, романы в стихах, баллады, притчи, сказки, рассказы, новеллы, сценарии.

Финалист премии «Писатель года 2014», включена в список 100 лучших писателей. Номинирована на Национальные литературные Премии «Поэт и Писатель года», «Наследие» 2015, 2016, 2017г., заняла второе место в конкурсе стихов о Великой Отечественной Войне.

Специальный приз V фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба» и Интернационального Союза писателей «За крупный вклад в детскую литературу», медаль имени Мацуо Басё и Семёна Надсона, диплом Антуана Сент Экзюпери, сертификат участника Международной писательской конференции в Нью-Йорке. Стипендиат Губернатора Московской области в номинации «Выдающийся деятель искусств».

Проект песен для детей «Золотая страна» в соавторстве с композитором Вячеславом Гридуновым стал Лауреатом конкурса Губернатора Московской области «Наше Подмосковье» в номинации «Забота о детях».

Работала стюардессой международных линий Аэрофлота, тележурналистом ТРК «Лобня»

Авторский сайт: [битая ссылка] <http://efedorova.ru>

Утренняя звезда

Новелла должна вызывать шок.

Фирменный знак новеллы: у нее бывает

«второе дно» наличие некой загадки.

Какая-то зыбкая позиция рассказчика...

What is your message of? – Что вы хотели этим сказать?

Новелла должна застрячь в памяти, как песчинка в сердечке моллюска. И этой песчинкой каждый ее умный владелец может дорожить

Людмила Петрушевская

Они медленно шли по промокшим улицам, тесно прижавшись друг к другу, не обращая внимания на дождь, который без устали барабанил по зонту, на то, как крупные капли разлетаются в разные стороны множеством сверкающих брызг.

Двое под зонтом не обращали никакого внимания на мелодию, которую разучивал дождь, переходя то в forte, то в piano. Казалось, дождь хочет получить подсказку у людей, настойчиво требуя к себе внимания. А они, далекие друг от друга, несмотря на кажущуюся близость, молча шли вперед, думая каждый о своем.

Сильный порыв ветра вывернул зонт наизнанку. Мужчина и женщина остановились, посмотрели друг на друга как случайно встретившиеся после долгой разлуки влюбленные. Обрадованный дождь грянул fortissimo!

– Что же мы стоим здесь под дождем? – воскликнул мужчина и, схватив женщину за руку, увлек в теплую темноту чужого подъезда.

– Как страшно сознавать, что стрелки на циферблате вечности безудержно крутятся, лишая нас всякой надежды, – подумала она.

– Нет, – проговорил мужчина, словно угадав ее мысли. – Не смей думать, что у нас нет надежды. Она есть всегда. Она не должна покидать нас, слышишь? Она не умрет, не умрет, я уверен, любимая.

Женщина уткнулась ему в грудь и простонала:

– Я больше не могу... У меня нет больше никаких сил... Что с нами будет, если она умрет?

– Она выживет, вот увидишь, – сказал он, коснувшись губами ее влажных, пахнущих осенней листвой волос. – Мы будем молиться за нее.

– Я не умею молиться, – всхлипнула женщина.

– Я научу тебя, – пообещал он, продолжая прикасаться губами к ее волосам. – Хочешь?

– Да.

– Господи, прости нас, – его голос окреп.

– Господи прости нас, – отозвалась она.

– За все, что мы делали не так...

– За все...

– Пощади нашу дочь...

– Пощади...

– Не отнимай ее у нас...

– Не отнимай, Господи...

– Мы сделаем все, что в наших силах...

– Все, все, все...

– Только спаси ее...

– Спаси ее, Господи...

– Верни нам Надежду...

– Господи, не отнимай у нас нашу Наденьку! – простонала женщина и разрыдалась, не в силах больше сдерживать душившие ее слёзы.

– Тише, тише, – проговорил он, крепче прижимая к себе ее вздрагивающее тело. – Все будет хорошо, вот увидишь...

– Все будет хорошо, – сказал он жене с изрядной бравадой. – Не стоит создавать трагедию из-за какой-то ерунды. Истерики устраивать ни к чему. Ты просто должна выслушать мои объяснения. Причем будет лучше, если ты выслушаешь их спокойно.

– Спокойно? – она задохнулась от гнева. – Как ты смеешь говорить мне о спокойствии? Если бы ты оказался на моем месте, то...

– Я бы просто тебя убил, если бы узнал что-то подобное, – улыбнулся он.

– А я, значит, должна быть спокойной? – она глянула на него с такой ненавистью, что он подумал:

– Лучше бы она меня ударила.

А вслух сказал:

– Дашка, ну прости меня. Прости. Повинную голову меч не сечет...

– Перестань мне говорить о повинной голове, Илья, – резко оборвала его Даша. – Ты собирался меня и дальше обманывать. И, если бы я не нашла это письмо, то...

– Я вовсе тебя не обманывал, – проговорил Илья.

– А что же ты делал? – Даша смерила мужа укоризненным взглядом.

– Я просто перенесся в другую реальность, где встретил тебя в облике другой женщины, и не смог устоять, вот и все, – пояснил он.

– Замечательно! – воскликнула Даша. – Значит, я тоже могу перенестись в другую реальность и встретить там тебя в облике другого мужчины и упасть с ним в любовь. Так?

– Нет, не так, – строго сказал Илья. – Дашенька, ты не посмеешь так со мной поступить...

– Еще как посмею, – проговорила она сквозь зубы.

– Не пос-ме-ешь, – проговорил по слогам Илья. – И знаешь почему?

– Почему?

– Да потому, что ты у меня Дарья одиннадцатая, то есть дважды единственная и неповторимая. И еще ты самая, самая, самая любимая.

– Именно поэтому, ты изменяешь мне с другой женщиной? – спросила она и часто-часто заморгала.

– Дашка, не смей реветь, а то я тоже заплачу, – Илья вытянул вперед губы, загудел: – У-у-у-у...

– Кто тут ревет? – воскликнула маленькая Наденька, вбежав в комнату.

– Да вот мамуле в глаз попала соринка, и она собиралась зареветь, как маленькая, а я решил ее развеселить, – подхватив дочку на руки, сказал нараспев Илья.

– Мамулечка, не плачь, – погрозила ей пальчиком Наденька. – Я куплю тебе вкусенькую конфетку.

– Хорошо, милая, я не стану плакать, – Даша вытерла слезы.

– Вот видишь, папуля, как надо утешать женщин, – назидательным тоном проговорила Наденька.

– Вижу, – ответил Илья. – Ты будешь моим представителем по улаживанию международных конфликтов. Идет?

– Идет! – обрадовалась Наденька. – Только для этого нам надо запастись конфетами.

– Верно, – включился в игру Илья. – Бежим за покупками.

– А ты, мамуля, досчитай до десяти и беги за нами, – приказала Наденька. – Ты же знаешь, что я тоже безумно люблю конфеты и могу случайно их по дороге скушать.

– Хорошо, милая, я сделаю все, как ты сказала, – поцеловав дочку, пообещала Даша и принялась считать: – Один, два, три...

Дверь за Ильей и Наденькой закрылась, а Даша все не прекращала счет, мысленно прослеживая путь, по которому сейчас идут два самых дорогих ей человека: крепкий высокий Илья, похожий на былинного богатыря и маленькая золотоволосая девочка, похожая на Дюймовочку рядом с великаном.

Даше показалось, что она видит, как ветерок играет Наденькиными золотыми кудряшками, и слышит, как дочка поет веселую песенку:

Маленькая Надя скачет по дорожке.
Ветерок проказник бросит ей под ножки
Разноцветных листьев красочный ковер,
Чтобы было лучше слушать птичий хор.
Но не станет Наденька на ковре лежать,
Ей ведь очень хочется прыгать и скакать...

Даша досчитала до десяти, улыбнулась и вышла из дома. Прямая, как стрела дорога, упиралась в железнодорожное полотно, которое перегораживал полосатый красно-белый шлагбаум. Илья и Наденька стояли возле него и беззаботно смеялись. Даше захотелось поскорее оказаться рядом с ними. Она побежала вперед, но через секунду замерла на месте, не сразу поняв, что все происходящее – реальность.

Вынырнувшая из-за поворота электричка, превратилась в огнедышащего дракона, который огромной, черной лапой наступил на маленькую Наденьку, отбросил в сторону Илью, и спокойно удалился...

Даша оглохла, онемела и окаменела, глядя на черный след дракона, из-под которого вытекал тонкий алый ручеек. Из стоящих у шлагбаума машин выскочили люди. Они подхватили драконий след, и Даша увидела маленькую девочку, распластавшуюся на земле с раскинутыми в стороны руками.

– Нет, это не девочка. Это огромная бабочка, которая села отдохнуть и сейчас продолжит свой полет, – подумала Даша и рванулась вперед, чтобы самой увидеть, как бабочка взлетает в небеса.

– Вам не стоит на это смотреть, – услышала она чей-то голос и увидела перед собой высоченную стену.

– Пустите ее, – приказал другой голос, и стена исчезла.

Даша сделала несколько шагов и поняла, что вовсе не спит, что в лужице алой крови лежит ее маленькая Надежда, милый ангелочек со сломанными крылышками.

– Не-е-е-ет, – закричала Даша. – Нет, нет, нет, только не это. За что?..

– Дашка, тише, – тронул ее за руку Илья.

– Не смей прикасаться ко мне, убийца, – она отдернула руку. – Из-за тебя произошла эта беда. Из-за тебя...

– Даша, я здесь совершенно ни при чем, – сказал Илья. – Это злой рок... Стечение обстоятельств, но не моя вина... не моя...

– Не хочу ничего слышать, – Даша зажала уши руками. – Не желаю тебя видеть, предатель и убийца.

– Дашенька, у тебя шок, успокойся, – Илья протянул к ней руки. Даша со всей сил ударила по этим протянутым рукам и почувствовала, что теряет точку опоры.

Земля качнулась, словно карусель, и закружилась, набирая обороты. Лица, шпалы, рельсы, шлагбаум, дорога, деревья, белые бабочки, красные кресты машины скорой помощи, голоса, звуки и небо слились в яркий слепящий свет. Не выдержав этого сияния, Даша закрыла

глаза. Сразу стало темно и спокойно. Сон укутал ее мягким покрывалом, спрятав от посторонних глаз...

– Если я сплю и никого не вижу, значит, и меня никто не видит, – любила повторять маленькая Наденька.

– Какая же умница у меня дочка, – прошептала Даша. – Если я никого не вижу, то и меня не видит никто. Я – человек-невидимка, имеющий возможность быть везде, где захочется. Я даже могу заглянуть в прошлое или переместиться в будущее.

Прошлое закрыто серебряною дверью.
Нет туда дороги, потеряны ключи.
Не стучи в ту дверь ты, вряд ли кто услышит,
И о том, что было, лучше промолчи.
Задержись у двери и о том подумай,
Что к реке широкой ручеек течет.
В жизни все проходит, был и чет и нечет,
И не стоит прошлому воздавать почет.

– Но как, как заставить себя не думать о прошлом, когда там осталось все самое-самое лучшее? – воскликнула Даша. – Там осталась первая любовь, первый поцелуй, первые признания...

– Первые обиды, первые слезы, первая боль, первое предательство, – продолжил перечисления строгий голос, который показался Даше знакомым.

– Но мне не хочется думать о плохом, – сказала Даша. – Я вспоминаю только хорошие минуты прожитой жизни. Мне порой кажется, что плохого вовсе не было.

– Плохое было и не стоит обманывать себя. Не надо идеализировать и приукрашивать то, что окрашено в черный цвет. Черный поглощает весь световой спектр, не оставляя ни одного яркого оттенка.

– Пусть так, – настырно проговорила Даша. – Но я могу смотреть на прошлое так, как мне этого хочется. Как мне...

– Зачем? Чтобы еще раз обмануться?

– Чтобы еще раз понять, что по-другому поступить было невозможно, а, значит, выбранный путь оказался самым верным, – пояснила Даша.

– Ты ошибаешься, – в голосе собеседника прозвучали нотки досады. – Поддавшись собственному безрассудству, мы очень часто идем дорогой заблуждения и считаем, что выбрали правильный путь. Но он, к сожалению, нас никуда не ведет. Конечной цели у нашего маршрута нет.

– Все люди идут вперед, не зная конечной цели, – разгорячилась Даша.

– Нет не все, – возразил знакомый голос. – Есть люди, которые очень хорошо знают цель, видят свое предназначение.

– Я к ним не принадлежу...

– Именно поэтому на тебя обрушиваются несчастья.

– Как ты смеешь говорить мне про несчастья? – воскликнула Даша. – Кто ты вообще такая?

– Я – Истина, – услышала она в ответ и открыла глаза.

Небольшая белая комната была уставлена серебряными приборами, от которых шли пластмассовые трубочки, наполненные разноцветными жидкостями. Проследив направление трубочек, Даша уперлась взглядом в полупрозрачное тельце девочки с золотыми волосами.

Глаза малышки были закрыты, губки сомкнуты, волосы рассыпались по подушке, словно солнечные лучики.

– Наденька?! – прошептала Даша, моментально вспомнив все, что произошло.

– Мы сделали все возможное и невозможное, – услышала Даша мужской голос и, лишь потом увидела усталое лицо врача. – Остается надеяться на чудо, уповать на Божью милость.

– Доктор, она выживет? – шепотом спросила Даша.

– Если вы будете верить в чудо, да, – ответил врач. – У матери с ребенком очень сильная психологическая связь до восьми, а порой, и до десяти лет. Ваши положительные биоритмы передаются ей, а ее биоритмы – вам. Думайте о хорошем. Разговаривайте с девочкой. Читайте ей сказки, пойте песенки, но только не плачьте и не грустите. Слезы погубят малышку. А я рассчитываю на благополучный исход. Я в него искренне верю.

– Правда, доктор?

– Правда, – он улыбнулся. – Только я должен вас предупредить, чтобы вы запаслись терпением и не требовали от девочки ничего. Она находится в глубокой коме, поэтому отвечать вам не сможет. В подобных случаях, я советую матери представить, что ребенок еще не родился, что она еще только вынашивает его, терпеливо ожидая появления его на свет, то есть пробуждения. Представили? – Даша кивнула, хотя было странно представлять пятилетнюю Наденьку еще не родившимся младенцем.

– Я понимаю, что это трудно, – сказал доктор. – Но это самый лучший способ, потому что никто не может назвать точной даты выхода из комы. Иногда приходится ждать месяцы, а иногда несколько дней или часов. Все зависит от иммунитета, от выносливости организма и от своевременной помощи. Помощь мы оказали. Организм молодой, сильный, поэтому надежду на скорое выздоровление терять не стоит.

– Спасибо, доктор, – Даша улыбнулась. – Можно мне остаться здесь?

– Это ни к чему, – сказал он строго. – Девочке вы сейчас не нужны. А вот с мужем постарайтесь быть поласковой. – Даша удивленно взглянула на врача. – Он хоть и отделался синяками, ушибами, ссадинами и легким сотрясением, но испытал сильнейший стресс и находится в полушоковом состоянии. Поэтому будет лучше, если вы не станете устраивать истерики, а просто помолчите вдвоем. Порой молчание – наилучшая терапия. Поверьте моему житейскому опыту, – он подтолкнул Дашу к выходу. – Не волнуйтесь за девочку. Медсестра подежурит возле нее.

– А завтра мне можно прийти? – спросила Даша.

– Завтра можно, – устало улыбнулся врач. – А сейчас ступайте к мужу. Он ждет вас в приемном покое.

Даша спускалась по лестнице, удивляясь, почему она не помнит, как сюда попала. Попыталась восстановить в памяти события, но вспомнила лишь огнедышащего дракона, поднимающего громадную лапу, чтобы раздавить маленькую пеструю бабочку, присевшую отдохнуть у дороги. Еще она вспомнила стену, которая преградила ей путь, и голос Ильи, приказавший стене убраться.

– Я должна найти Илью, – решила Даша, оглядывая людей, сидевших в приемном покое.

Высокий мужчина с исцарапанным одутловатым лицом поднялся ей навстречу и что-то сказал. Она отвернулась от него, продолжая отыскивать мужа среди молчаливо сидящих людей.

– Даша, – голос Ильи раздался совсем рядом.

Даша повернула голову и только тут поняла, что мужчина с одутловатым лицом, испещренным ссадинами, и есть ее муж. Она вскрикнула и отшатнулась, прижав обе ладони к губам.

– Все нормально, – улыбнулся Илья. – Шрамы мужчин украшают, придают им определенный шарм. Хотя, если вдуматься, смешное сочетание шарм и шрам.

– Смешное, – машинально повторила Даша, тронув лицо мужа кончиками пальцев. – Больно?

– Да нет, – проговорил Илья. – А ты как?

– Я? – Даша удивленно глянула на мужа. – А разве со мной что-то произошло?

– Нет, – улыбнулся Илья. – Пойдем домой, а то на нас подозрительно смотрят.

Они вышли из дверей клиники и остановились.

– Дождь, – проговорила Даша, вытянув вперед руку. – Откуда он взялся?

– С небес, – ответил Илья.

– Зачем с небес льется вода? – спросила Даша, разглядывая капли, падающие ей на ладонь.

– Чтобы я мог прижаться к тебе, – ответил Илья, раскрыв над Дашиной головой зонт.

– Зонт, – улыбнулась она. – Откуда ты его взял?

– Из твоей сумочки, – сказал он. – Неужели ты забыла, что я – самый известный карманник. Я похитил зонт из твоей сумочки, а ты даже не заметила.

– Не заметила, – повторила Даша, глядя, как вздрагивают пожелтевшие листья от прикосновения холодных капель.

Когда Илья обнял ее, она тоже вздрогнула и, словно оторвавшийся от ветки листочек, устремилась куда-то в ведомом лишь ей одной направлении.

Мужчина и женщина шли по промокшим улицам, тесно прижавшись друг к другу и думали каждый о своем. Он – о том, что она так некстати нашла письмо Ирины. Она – о том, что так некстати закончилось детство.

– Кто для меня Ирина? Солнечное затмение? Безумная страсть? Заблуждение или капкан? – размышлял Илья, живо представляя себе жгучую брюнетку с круглыми, как вишни глазами, обрамленными густым бархатом ресниц, и алым чувственным ртом, жаждущим поцелуев.

Объятия Ирины, страстные и жаркие, лишали его рассудка. Острые Ириныны коготки неизменно стремились проникнуть под его рубашку, чтобы вонзившись в кожу, оставить там глубокие отметины.

Илья поежился, вспомнив, как трудно было первый раз соврать Даше, назвав эти отпечатки следами от елового веника, которым парил его в бане друг Митрич. Даша тогда смазала его спину какими-то индийскими маслами и ругала мистического Митрича за еловый веник. А Илья лежал, уткнув голову в подушку, и мысленно ругал себя за вранье, клялся, что больше никогда не встретится с Ириной. Больше никогда...

Но едва раздавалось в телефонной трубке ее неизменное «Алло, милый», он бросал все и мчался на зов плоти, чтобы снова и снова предаваться чувственным восторгам, сгорать в пламени страстей. С Ириной его связывало единение тел, а с Дашей – единение душ. В его отношениях с женой было что-то возвышенно-неземное, от которого Илья не желал отказываться ни за какие сокровища мира. Но побороть телесные наслаждения, которые дарила ему Ирина, никак не мог. Ему нужны были обе эти женщины, не похожие друг на друга, как белый и черный ангелы.

Илья метался между светом и тьмой, раздираемый внутренними противоречиями, и не мог найти выход, боялся принять какое-то решение, чтобы не причинить боль ни одной из них.

Спасение пришло неожиданно.

– Алло, милый, – ворвался в телефонную трубку Иринин голос. – Я отправила тебе письмо.

– Письмо? Что за шутки с утра? – воскликнул Илья.

– Это вовсе не шутки, – строго сказала Ирина. – Это все очень серьезно. Прощай. Не звони. Забудь мой номер телефона.

– Почему? – удивился Илья.

– Я тебе обо всем написала. Прощай.

Оказывается, у нее появился новый хранитель тела, в которого она вцепилась мертвой хваткой дикой пантеры.

– Почему я сразу не выбросил это сумбурное письмо? – запоздало подумал Илья. – Теперь, господин сентиментальный дурак, перед вами маячит перспектива остаться не только без любовницы, но и без жены.

Сильный порыв ветра вывернул наизнанку зонт. Дождь хлестнул Илью мокрой ладонью по исцарапанной щеке, заставив взглянуть в серые глаза Даши и понять простую вещь: дыхание прервется, закончится жизнь, если рядом не будет этой худенькой женщины, похожей на беззащитного птенчика, выпавшего из гнезда.

Илье захотелось упасть перед Дашей на колени, целовать ее ноги, умолять о пощаде и прощении. Но дождь грянул fortissimo, заставив его поступить иначе. Илья схватил Дашу за руку и увлек ее за собой в темную теплоту чужого подъезда. Он крепко-крепко прижал ее к себе, уткнулся лицом в пахнущие осенней листвой волосы и почувствовал, как по щекам потекли слезы. Кровь запульсировала в висках сигналами «SOS», а губы прошептали:

– Что с нами стало, девочка моя?
Мы заблудились в этом злобном мире.
– Прошу тебя, найди скорей меня, —
Звучат слова в разбуженном эфире.
– Не дай уйти навек. Останови.
Забудь мои упреки и укоры.
Что жить не сможешь без меня, соври,
И что любовь преодолеть сумеет горы,
Что не страшны ей дождь и снегопад,
Жара, поземка, вьюги и метели.
Верни меня, верни меня назад.
Что с нами стало, милый, в самом деле?

– Давай все-все начнем сначала, – предложил Илья.

– Давай, – согласилась Даша...

Водоворот переживаний за жизнь маленькой дочери заставил Дашу переосмыслить прожитые годы. Все, что прежде было значимым и важным, в одночасье потеряло всякий смысл, став мелким и суетным.

Теперь самым желанным для Даши стало общение с невидимой собеседницей, которая поила ее водой мудрости из источника Истины. Даше хотелось не просто пить эту воду, а окунуться в нее с головой и остаться там, в этой незамутненной чистоте. Но неизменно наступало пробуждение, возвращающее в реальность, которая напоминала Даше гигантского спрута, от щупалец которого можно спастись лишь у источника Истины. Но мало кто знает об этом.

– Почему? – удивлялась Даша. – Неужели люди не видят безумия, творящегося вокруг?

– Они просто не хотят ничего видеть, – отвечала Истина. – Люди стали самолюбивыми, сребролюбивыми, гордыми, надменными, злоречивыми, неблагодарными, непокорными родителям, недружелюбными, клеветниками. Они невоздержанны и жестоки. Мало кто желает дойти до познания Истины. Им проще лгать, завидовать, произносить надменные речи. Звук ужасов постоянно в их ушах... Но искать Истину они не намерены.

Звук ужаса сопровождал и Даша. Стоило ей остаться одной в палате, где лежала Наденька, подключенная к мигающим приборам, как в уши врывался шум приближающейся электрички, воскрешая в памяти яркую картину трагических событий.

Электричка замедляла ход, и из брызнувшего стеклом окна, вылетало длинное деревянное сидение. Оно описывало полукруг и накрывало собой маленькую Наденьку. Неизвестная сила отталкивала Илью в сторону, осыпая его голову битым стеклом. На миг повисала в воздухе зловещая тишина. А за ней врывалась какофония звуков, сводящая Дашу с ума. Даша зажимала уши, трясла головой, чтобы избавиться от навязчивых звуков, принималась громко разговаривать сама с собой, чтобы отключиться от воспоминаний, чтобы не сойти с ума.

– Я не должна бояться и поддаваться панике, потому что все самое страшное уже позади. Доктор сказал, что надо верить в чудо. И я буду верить, потому что чудеса начали происходить сразу же. То, что с противоположной стороны железнодорожных путей оказалась машина скорой помощи, разве это не чудо? А молитва Ильи? Это тоже чудо. И голос Истины, который я слышу, и слезы прозрения, и даже то, что Наденька спит и во сне борется со своей бедой, – самое настоящее чудо, – Даша негромко запела любимую Наденькину песенку:

В чудеса поверить просто.
Надо в небо посмотреть
И серебряные звезды ранним утром разглядеть.
Звезды утром – это чудо! Чудо – в золоте река.
Птичье пенье – это чудо. Чудо – свет и облака.
Апельсиновое солнце, желто-белая луна,
И раскрашенная ярко синеокая весна.
И зима в пушистой шали, и осенний листопад,
Летний сад, где гроздь вишен
Под листочками висят.
Мир огромный – это чудо.
Будем же вокруг смотреть,
Чтобы утренние звезды никогда не проглядеть...

Даша опустила на колени, прижалась губами к прохладной маленькой ручонке и сказала:

– Я люблю тебя, девочка моя. Я очень-очень хочу, чтобы ты скорее проснулась. Мы с папой купили тебе большого плюшевого мишку, красивую книгу сказок и набор красок, чтобы ты нарисовала нам мир чудес...

Наденька стояла посреди ярко освещенной цирковой арены и, запрокинув голову, наблюдала за балериной, пляшущей на канате. Движения балерины были легкими и изящными. Белый кружевной зонт, который она держала в руке, взлетал вверх, а потом скользил вниз, то пряча, то вновь открывая ее красивое лицо. Балерина танцевала на канате, не обращая внимания на замерших внизу зрителей. Она смотрела вверх и загадочно улыбалась.

– Научи меня танцевать и кружиться, – набравшись смелости, крикнула Наденька.
– Поднимайся ко мне, – позвала ее балерина, не прерывая своего танца.

Наденька легко взобралась вверх и увидела, что балерина пляшет не на канате, а на стеклянном полу, разглядеть который снизу было невозможно.

– Иди смелее, – сказала танцовщица. – Но не просто иди, а танцуй. Это легко. Смотри на меня и повторяй за мной движения. Раз, два, три... Раз, два, три...

Наденька встала на мысочки и сделала несколько неуверенных шажков. Балерина звонко рассмеялась и, чуть замедлив свой танец, показала девочке нужные движения.

– Слушай музыку, и тебе будет легче, – сказала она. – Раз, два, три... Зонт вверх, а теперь вниз.

Наденька хотела сказать, что у нее нет никакого зонта, но увидела, что он есть. Маленький зонтик из белых кружев, расшитый серебряными блестками. Нарядна Наденькина одежда, в которой она пришла сюда, превратилась в бледно-розовую балетную пачку, а туфельки – в пуанты.

– Я настоящая балерина! – воскликнула Наденька. – Мне совсем не трудно плясать здесь вместе с вами. Я хочу, чтобы музыка не прекращалась. Я хочу танцевать и кружиться всю жизнь!

– Танцевать и кружиться всю жизнь нельзя, – строго сказала балерина. – Всеу свое время. «Время рождаться и время умирать. Время искать и время терять. Время плакать и время смеяться; время сетовать и время плясать. Время молчать и время говорить. Время любить и время ненавидеть».¹

– Но сейчас – время танцевать, и мне хочется, чтобы оно длилось вечно, – проговорила Наденька. – Оно продлится ровно столько, сколько нужно, – сказала балерина. – Танцуй, кружись, Наденька, и помни, что помощь всегда приходит к нам с небес, потому что там живет наш Небесный Отец.

– Небесный Отец, – повторила девочка. – А какой Он?

– Он добрый, любящий, справедливый, – сказала балерина, лицо ее озарилось неземным сиянием. – Он создал нас по своему образу и подобию, вложив мир в наши сердца.

– Как чудесно иметь мир в своем сердце! – проговорила девочка.

– Да, это очень здорово. Но мы часто огорчаем своего Небесного Отца, – сказала балерина. – Тогда Он сердится на нас, а некоторых непослушных детей даже строго наказывает.

– Как мой папа Илья, – понимающе кивнула головой Наденька. – Если я шалю или капризничаю, папа берет ремешок. И тогда мне становится стыдно, и я быстренько перестаю лить слезы из-за всякой ерунды. Ну, подумаешь, мишку не купили...

– Правильно. Лить слезки без дела – пустое, дружок. Ведь слезы без дела – вода. Поэтому смейся, Наденька, смейся и танцуй, – сказала балерина.

Наденька беззаботно рассмеялась...

Даша услышала звонкий детский смех и, подняв голову, с удивлением посмотрела на дочку. На миг ей показалось, что щечки у Наденьки порозовели, а реснички чуть дрогнули.

– Господи, неужели она приходит в себя?! – обрадовалась Даша и, распахнув дверь палаты, крикнула медсестре:

– Скорее...

Та помчалась за врачом и уже через несколько минут они вошли в палату.

– Что? – спросил Виктор Петрович, посмотрев на Дашу.

– Она смеялась, доктор, – прошептала Даша. – Я слышала...

– Вы просто переутомились, – улыбнулся доктор и погладил Дашу по голове. – Поезжайте домой. Устройте себе романтический ужин и постарайтесь сегодня ни о чем не думать.

– Это очень трудно, – покачала головой Даша. – Мысли не дают мне покоя. Порой мне даже начинает казаться, что я схожу с ума... Минуту назад я видела, как зарумянились Наденькины щечки, как дрогнули ее реснички... А теперь она снова похожа на фарфоровую куклу, к которой зачем-то подсоединили разноцветные трубочки.

– Вам, милая мамочка, нужен глоток хорошего вина, – сказал доктор. – Ступайте домой, к мужу и устройте себе романтический ужин, а Танечка подежурит здесь.

---

¹ Екклесиаст 2:2,4,7—8.

Даша вздохнула, подумав о том, что романтический ужин – это что-то из области нереального. Ведь после рождения Надюшки, они с Ильей ни разу не сидели при свечах.

– Наверное, он разлюбил меня, – с грустью подумала Даша. – А, может быть, это я разлюбила его? Нет...

Неправда, что тебя я разлюбила
И не хочу смотреть через свечу,
На хрусталь полупрозрачный иней,
И прижиматься к твоему плечу.
Неправда, что молчать с тобой устала.
Неправда, что мне нечего сказать.
Я просто научилась быть мудрее
И смысл особый взгляду придавать.

– Даша, Дашенька, Дарина, – сказал Илья, глядя в глаза жены. – Я никогда не думал о том, что нам придется пройти через испытания. Что нас постигнет настоящая, большая беда. Я всегда думал, что горе может случиться с кем угодно, только не со мной, не с нами. Раньше я ничего не боялся, лез напролом. А теперь я ужасно боюсь всего на свете. Даже резкий скрип двери заставляет меня вздрагивать. Как объяснить это? – Даша пожала плечами. – Может, это слабость или трусость? Или это должное возмездие за промахи, ошибки и грехи? Я никогда не прошу себя за то, что обманывал тебя, что...

– Перестань, Илья, – устало проговорила Даша. – Мы же решили начать все сначала. Я тебя простила и не хочу больше слышать, про то, что было.

– Ты простила меня на некоторое время, чтобы потом при удобном случае напомнить или же..? – спросил он, не веря в искренность ее слов.

– Простила, значит, забыла, – сказала Даша, низко склонив голову, чтобы Илья не видел искаженного болью лица. В висках молоточками застучало: «Не забыла, не забыла, не забыла. Рана еще кровоточит. Нужно время, время, время».

– Давай немного помолчим, – попросила Даша. Ее голос предательски дрогнул.

– Давай помолчим, милая, – согласился Илья. Голос его тоже дрогнул. Илья разозлился на себя за то, что не смог сдержаться, что стал хныкать, как последний слабак, вместо того, чтобы подбодрить Дашу, помочь ей пережить все тяготы и беды, свалившиеся на них.

– Какая же ты сильная женщина, моя маленькая Дарина, – подумал Илья, глядя через пламя свечи на скорбный силуэт жены. – Я никогда не признавался тебе, что обижаю тебя именно потому, что не могу быть таким стойким и непреклонным, как ты. Мое самолюбие не позволяет мне принять поражение от женщины, даже от любимой. Я оправдываю себя бесполезными словами и речами, не имеющими смысла. А ты участливо смотришь на меня, неизменно оставаясь на высоте, но никогда не показываешь своего превосходства. Вот и сейчас ты предложила помолчать. Как это умно. Зачем бросать слова на ветер?

Глаза мои кричат тебе: «Прости!»
И сердце бьется птицею в груди.
Я слов бросать на ветер не хочу,
Ведь ты меня просила: «Помолчим».
Я мысленно прошу тебя: «Прости,
За то, что я тебя недолюбил.
За то, что не дарил тебе цветов,
И душу нежную твою не оценил».

Восемь месяцев Наденька лежала в клинике. Даша прибегала туда каждое утро, распахивала дверь и замирала на пороге, в надежде услышать, что девочка пришла в себя. Но медсестры отрицательно качали головами. В эту ночь чуда не произошло.

– Ничего-ничего, – успокаивал Дашу Виктор Петрович. – Приборы показывают, что все органы в норме. Запаситесь терпением, милая мамочка. В моей практике был случай затяжного летаргического сна, а он равносителен смерти. Радуйтесь, что у вашей Надежды не летаргический сон, а процесс выздоровления. И продолжайте верить в чудо.

– С каждым днем мне все труднее верить в него, Виктор Петрович, – призналась Даша.

– А вот это зря. Вера ваша должна быть крепче стали, иначе ничегошеньки не получится, – сказал доктор, посмотрев на Дашу. – Запомните, мамочка, вера должна быть крепче стали.

Ежедневно шагая по больничному коридору, Даша вспоминала этот разговор и приказывала себе верить в чудо. Постепенно у нее появилась уверенность в том, что чудеса не происходят вдруг, что их следует долго ждать.

Даша перестала задавать вопросы медсестрам и доктору. Она просто распахивала дверь, улыбалась и, опустившись на колени перед Наденькиной кроваткой, рассказывала дочке последние новости, читала сказки.

Так было и в этот день. Привычным жестом Даша распахнула дверь палаты и онемела. Комната поразила ее безмятежной пустотой. Минуту Даша приходила в себя, а потом помчалась в кабинет Виктора Петровича.

– Где она? Где Надежда? – простонала Даша, остановившись в дверях.

– Разве вам не сказали? – нахмурился доктор.

– Нет, – прошептала Даша. Слезы брызнули из глаз. – Я не верю... Вы же обещали...

– Успокойтесь, мамочка, выпейте воды, – участливо проговорил Виктор Петрович, усаживая Дашу на стул. – Вам надо уяснить, что чудеса происходят тогда, когда их меньше всего ждешь, – Даша с надеждой глянула на доктора. – Да-да, мамочка, это как раз наш с вами случай, – он улыбнулся. Морщинки лучиками разбежались от его серьезных карих глаз.

– Правда?! – прошептала Даша.

– Чистейшая правда, мамочка, – подтвердил доктор. – Наденька пришла в себя. И теперь ей нечего делать в боксе без окон. Ей следует смотреть на мир во все глаза. Тем более, что на улице бушует весна.

– Спасибо, – Даша прижала ладони к губам. Ей хотелось кричать на всю больницу: «Ура!» и прыгать на одной ножке. Но этого делать было нельзя. Следовало вести себя прилично, и Даша старалась изо всех сил.

– Однако в нашем случае есть одно «но», о котором я вас обязан предупредить, – сказал доктор. Дашино сердце учащенно забилося. – Выход из комы – это первая ступень выздоровления. Самая первая, но и самая важная. Помните о том, что девочка восемь месяцев пролежала без движения, поэтому вам придется заново учить ее говорить, сидеть, ходить и, может быть, даже думать. – Даша испуганно замотала головой. – Я сказал, может быть, – проговорил Виктор Петрович. – Будем надеяться, мамочка, что в вашем случае все пройдет без патологии, и мы недельки через две выпишем вас домой.

– Домой, – машинально повторила Даша. Нежная теплота заполнила ее сознание. А перед внутренним взором возник маленький уютный деревенский домик, где они живут втроем, где им хорошо и радостно, где звучит детский смех и веселые песенки.

– Мы обязательно споем с Наденькой, – пообещала себе Даша. – У меня хватит терпения и сил. Смогла же я выдержать восемь месяцев безвестности. Значит, смогу сделать все, чтобы Наденька стала прежней...

Даша открыла дверь в палату и увидела огромные, распахнутые глаза дочери. Они показались ей необыкновенно синими, словно два маленьких озера, в которых отразилось безоблачное небо.

– Ма-ма, – беззвучно шевельнула губами Наденька. Даша не услышала ее голос, так он был слаб и тих. Она догадалась по движению губ, что дочка зовет ее:

– Ма-ма!

Даша опустилась на колени, поцеловала тонкие пальчики и прошептала:

– Милая моя, милая моя, радость моя, Наденька.

– Па-па, – шевельнула губами малышка.

– Он на работе, милая, – улыбнулась Даша.

– Па-па, – снова повторила Наденька, чуть приподняв ручку.

– Здравствуй, моя радость, – услышала Даша голос Ильи. – Я позаимствовал крылья у горного орла, чтобы прилететь к тебе, дорогая. Мы с мамой любим тебя и очень-очень скоро заберем тебя домой.

– До-мой, – шевельнула губами девочка, улыбнулась и закрыла глазки.

Даша поднялась и, уткнувшись Илье в плечо, беззвучно заплакала. Он несколько раз провел рукой по ее вздрагивающей спине и, опустив лицо в ее волосы, прошептал:

– Все позади, Дашка. Наша Надежда победила. Господь услышал нашу молитву. Не плачь.

– Я плачу от радости, – отозвалась Даша.

– От радости не плачут, милый друг.

От горя и обиды только плачут,

Когда врагом становится твой друг,

Когда вокруг сплошные неудачи.

Когда не видно света впереди,

Когда кровоточат душа и тело,

Когда нет сил невзгоды одолеть,

Тогда лить слезы можно очень смело.

А радость радугой раскрасит небеса,

Дарует мир, любовь, успокоенье,

Прогонит прочь тревогу и печаль

И будет праздновать души освобожденье.

Тогда уже не слезы, а роса

Блеснет под солнцем чистотой хрустальной.

От радости не плачь, любовь моя,

И никогда, прошу, не будь печальной.

Май был в самом разгаре, когда Наденьку разрешили забрать домой. Илья вынес дочку на улицу и остановился в центре больничного двора, чтобы дать девочке возможность полюбоваться клумбой, на которой цвели красные, желтые и фиолетовые тюльпаны. Но Наденька лишь мельком взглянула на них и повернула голову к кустам белоснежной сирени.

– Дай мне снега, – попросила она.

– Малыш, снег весной – это весьма проблематично, – нараспев проговорил Илья. – Попроси чего-нибудь другого.

– Дай мне снега, – сказала Наденька, медленно выговаривая каждую букву. Речь девочки еще не полностью восстановилась, поэтому создавалось впечатление, что Наденька размышляет над тем, что хочет сказать и, лишь потом, произносит слово, кивая головой утвердительно или потряхивая золотыми кудряшками в знак отрицания, если слово прозвучало недостаточно убедительно.

– Надюша, нам негде взять снега, – опустив дочку на землю и, присев перед ней на корточки, сказал Илья.

– Негде, – покачала она головой. – Снег вот. Дай.

Илья повернул голову и, увидев снежные вершины кустов сирени, воскликнул:

– Потрясающе! Оказывается, снег бывает и весной! Только не каждому дано его увидеть. А мы – хитрые, мы увидели. Правда, Надежда?!

– И я хочу увидеть снег, – воскликнула Даша, присаживаясь на корточки рядом с Ильей и Наденькой.

Лучи солнца, пробивающиеся сквозь листву, придавали кустам сирени необыкновенное сходство со снежными горными вершинами, упирающимися в небеса.

– Если бы кто-то сказал мне, что сирень может напоминать горный утес, я бы ни за что не поверила, – проговорила Даша, обняв дочку. – А теперь я не просто верю, я вижу чудесную страну, которая находится под покровом этого горного утеса. Там несколько раз в году смоковница распускает свои почки, и виноградная лоза приносит плоды. Дни в той стране дышат прохладой, горлицы поют песни, а у подножия гор резвятся серны и молодые олени. Есть в этой чудесной стране дивный сад с гранатовыми, шафрановыми, коричневыми и другими деревьями, источающими сладкий аромат. А посреди этого сада находится колодец живой воды.

Живут в этой стране очень красивые и добрые люди с золотыми волосами, глазами цвета вымытого неба и коралловыми губами.

Каждое утро в дивный сад спускается блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами, Истина. Все жители с радостью устремляются к источнику, чтобы слушать слова, в которых нет лжи и лукавства, которые чисты, ясны, справедливы, которые дают людям знание и направляют на путь жизни.

– «Примите учение мое, а не серебро, потому что мудрость лучше жемчуга, и ничто из желаемого не сравнится с нею. Я, премудрость, обитаю с разумом, и ищу рассудительного знания, – звучит голос Истины. – Гордость, высокомерие, злой и коварный путь я ненавижу. Я хожу по пути правды, по стезям правосудия, чтобы доставить любящим меня существование благо, и сокровищницы их я наполняю. Послушайте наставления, и будьте мудры, и не отступайте от них. Потому что, кто нашел меня, нашел жизнь, и получил благодать от Господа. А согрешающий против меня, наносит вред душе своей: все ненавидящие меня, любят «смерть».²

Жители чудесной страны внимательно слушают слова Истины, а потом пересказывают их своим детям. Все в этой стране было прекрасно, но однажды случилась беда. Налетел на чудесную страну сильный северный ветер. Он дул с такой силой, что деревья не выдержали его натиска. Они гнулись и ломались, издавая протяжные стоны. Небо заволокли черные тучи, и страна погрузилась во мрак. Облетели цветы со смоковниц, опали гранатовые яблоки, перестали петь горлинки, убежали лани, олени и серны. А самой большой бедой стало то, что пропал источник живой воды, исчезла Истина.

Цветущая страна погрузилась в серый мрак. Люди стали злыми, завистливыми, жестокими. Волосы их больше не сверкали на солнце, глаза потемнели, а кожа приобрела землистый оттенок. Никто больше не улыбался, не пел песен. Люди перестали смотреть друг другу в глаза. Они быстро пробежали по улицам серого города и спрятались в серых домах.

– Так больше продолжаться не может, – сказал однажды юноша по имени...

– Илья, – подсказала Наденька.

Даша погладила дочку по шелковым волосам и продолжила сказку.

– Так больше продолжаться не может, – сказал Илья. – Я отправлюсь на поиски Истины и найду ее, во что бы то ни стало.

---

² Притчи 8:10—13, 20—21, 33, 35—36.

Родители благословили сына и посоветовали никогда не забывать слов Истины.

– «Навяжи их навсегда на сердце твое, обяжи ими шею твою, – сказал на прощание отец Ильи. – Когда ты пойдешь, слова Истины будут руководить тебя. Когда ляжешь спать, они будут охранять тебя. Когда пробудишься, они будут беседовать с тобою. Ибо заповедь есть светильник, и наставление – свет, и назидательные поучения – путь к жизни, чтобы остерегать тебя от лъстивого языка».³

Илья поклонился родителям и отправился в путь...

– И нам пора в путь, мои дорогие девочки, – сказал Илья, подхватив Наденьку на руки.

– Нет, Илья, нет, – запротестовала она, замотав головой.

– Наденька, я расскажу тебе продолжение сказки по дороге, – поспешила успокоить дочку Даша.

– Это будет намного интересней, – поддакнул Илья. – Мы с тобой станем не простыми слушателями. Мы с тобой станем настоящими участниками сказки.

– Да? – недоверчиво спросила Наденька.

– Да, моя дорогая, – улыбнулся Илья. – Если хочешь, я придумаю продолжение сказки.

– Хочу, – кивнула Наденька.

– А тебе не страшно? – поинтересовался Илья.

– Нет.

– Тогда слушай. Богатырь поклонился родителям, взял на руки Надежду и отправился на поиски пропавшей Истины. Путь его был долог и труден. Он пробирался через темные леса, через скалистые горы, через бурные реки и безводные пустыни. Порою силы покидали богатыря, но он не сдавался, потому что Надежда всегда была рядом. Она поддерживала Илью, не давала ему пасть духом и повернуть назад.

Надежда постоянно напоминала Илье о том, что его возвращения ждут жители чудесной страны, и чем быстрее он найдет Истину, тем быстрее вернутся к ним радость, мир и счастье.

Илья шел день и ночь, ночь и день без остановки и отдыха, пока, наконец, не пришел к воротам подземного царства. Улыбчивые стражники настезь распахнули перед ним ворота, предлагая войти. На богатыря пахнуло холодом и сыростью. Из кромешной тьмы на свет вышел услужливый карлик и, мило улынувшись, вызвался проводить Илью ко дворцу властелина подземных недр.

Карлик взмахнул маленькой золотой палочкой, и засеменял по дорожке, тускло подсвеченной с двух сторон ромбовидными фонариками. Илья последовал за ним, обратив внимание на то, что их сопровождают странные сгорбленные силуэты. Когда Илья остановился, чтобы получше разглядеть их, они тут же нырнули в черную пустоту.

– Сюда, – писклявым голосом воскликнул карлик, когда нужно было сделать верный поворот. – Иди за мной, а то заблудишься.

Илья послушно следовал его указаниям, хотя в душе давно закрались подозрения, что карлик просто морочит ему голову и нарочно водит его по кругу.

---

³ Притчи 6:21—24.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.